

7. *Nātel Khānlāri, P.* Dastur zabān-e fārsi / P. Nātel Khānlāri. – Chāp-e dovom bā tajdid-e nazar. – Tehrān : Enteshārāt-e Tus, 1359. – 367 s.
8. *Ahmadi Birjandi, A.* Dastur zabān-e fārsi / A. Ahmadi Birjandi. – Chāp-e panjom. – Mashhad : Enteshārāt-e Ketābforushi-ye bāstān, 1352. – 319 s.
9. *Vahidiān Kāmyār, T.* Farhang-e nām āvā dar zabān-e fārsi / T. Vahidiān Kāmyār. – Mashhad : Enteshārāt-e dāneshgāh-e Ferdowsi-e Mashhad, 1375. – 276 s.
10. *Расторгуева, В. С.* Этимологический словарь иранских языков. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. 1 : А – Ā. – 327 с.
11. *Мехраби, К.* Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках / К. Мехраби // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – №3. – С. 173–182.
12. *Трасковська, Г. С.* Звукозображальна лексика перської мови : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.13 / Г. С. Трасковська ; Нац. акад. наук України, Ін-т сходознавства ім. Ю. А. Кримського. – Київ, 2014. – 19 с.
13. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков [Электронный ресурс] : лекц. курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

СЛОВАРИ

[VY] واژه یاب = Vajehyab [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.vajehyab.com/>. – Date of access: 17.03.2019.

The article deals with the history of the study of Tajik and Persian onomatopoeias in the USSR, post-Soviet states and Iran. The author presents a critical review of the works of M. F. Fazylov, M. Shukurova, Y. A. Rubinchik, S. M. Neshat, T. V. Kamyar, Q. Mehrabi, G. S. Traskovskaya; analyzes morphological, semantic and syntactic features of Persian onomatopoeias.

Поступила в редакцию 10.04.2019

Е. П. Бетенья

ИДИОЭТНИЧНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье на основе контрастивного подхода выявляются и подвергаются анализу глагольные формы, составляющие специфику грамматических систем английского и белорусского языков. В английском языке это формы континууса и перфекта, а в белорусском языке – формы плюсквамперфекта и будущего сложного II. В ходе анализа данных грамматик двух языков обобщаются семантические характеристики указанных форм – как прототипические значения, так и производные от них, которые свидетельствуют о сложной и неоднозначной корреляции семантики глагольных форм английского и белорусского языков.

Идиоэтничность – это характеристика, эксплицирующая специфику и алломорфизм языковых единиц или категорий. Как правило, в научных исследованиях она противопоставляется или является частью дихотомии «универсальное – идиоэтничное». Данная характеристика наиболее ярко вскрывается на основе контрастивного подхода к изучению языковых явлений и фактов.

Говоря о контрастивном, или сопоставительном подходе к описанию языков, прежде всего указывают на тот факт, что он базируется на постулате о том, что за бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства, то есть «языки созданы как бы по единому образцу» [1, с. 118]. Фактически эту же мысль подтверждает В. Н. Ярцева, отмечая, что в ходе контрастивного исследования мы исходим из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий [2, с. 29–30]. В. Скаличка утверждал, что языки отличаются лишь различными способами выражения внешнего мира [3, с. 29]. Таким образом, акцент смещается на выявление в конечном итоге – при всем различии между отдельными языками – имеющегося глубокого внутреннего сходства между языками. Так, И. И. Мещанинов отмечал, что это общее для всех языков является основой контрастивных сопоставлений именно потому, что грамматическая форма его выявления на конкретном языковом материале не дает единой схемы [4, с. 5].

Однако упомянутые выше «дифференцирующие различия», «различные способы выражения внешнего мира» сами по себе также могут стать результатом контрастивного исследования языков. Таким образом, сопоставление может представлять интерес не только с точки зрения выявления общего базового сходства сопоставляемых языков или их систем и подсистем, но и с точки зрения обнаружения их идиоэтничности. То есть сопоставительное изучение языков позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользнуть от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка [5, с. 9]. Тем самым оно позволяет уяснить суть какого-либо языкового явления, которая часто может резко проявиться при сопоставлении его с другим – хотя бы и не во всем аналогичным – языком [6, с. 197].

В исследованиях подобного рода, вне всякого сомнения, имеется много общего с проблемой изучения понятийных категорий и способов их языкового выражения, ибо именно понятийные категории, являясь универсальными для всего человечества, лежат в основании многих языковых подсистем, которые не носят универсального характера, а очень часто получают разное формальное выражение в различных языках. Так, по мнению А. В. Бондарко, во многих случаях мы получаем сведения о понятийных категориях в результате сопоставления, в частности, грамматических описаний разных языков [7, с. 58]. Сопоставительная проблематика, таким образом, является важным компонентом вопроса о роли языка в процессах познания, так как

«пределы межъязыкового варьирования в конечном итоге обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т.е. когнитивной способностью человека» [8, с. 157]. А значит, сопоставление языков помимо решения сугубо лингвистических проблем дает возможность понять основания «естественной категоризации мира, а также уточнить принципы его когнитивного моделирования, приводящие в каждом языке к формированию неповторимых, уникальных языковых картин мира» [9, с. 17]. Таким образом, существует определенная взаимосвязь и взаимозависимость между сопоставительной или сопоставительно-типологической парадигмой и когнитивистикой.

Следует отметить также еще одно направление сопоставительно-типологических исследований. Если раньше акцент делался на описании формальной структуры языков, то сейчас все большую актуальность приобретает изучение содержания, стоящего за той или иной формой и структурой. Еще Э. Бенвенист подчеркивал, что нельзя ограничиваться только материальными формами, т.е. нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм [10, с. 58]. Аналогичные идеи прослеживаются у Дж. Байби, Дж. Лакофа, А. Ченки, которые отстаивают точку зрения о том, что анализ грамматической формы должен основываться на содержании [11; 12; 13]. Это значит, что современная сопоставительная типология имеет контентивную (функционально-семантическую) природу, поскольку изучает типы значений, выражаемые теми или иными формами (в отличие от формально-структурной сопоставительной типологии).

Соединяя же эти два направления сопоставительно-типологических исследований, можно выявить соотношение универсальных и идиоэтнических черт в строении языков, выделить диапазон языковых средств, «используемых при вербализации тождественных концептов» [9, с. 17]. При этом доскональное изучение основополагающих грамматик и монографий является необходимым условием для работы с текстами, так как, во-первых, с их помощью можно получить исходные данные о структуре исследуемых явлений и, во-вторых, только с помощью этих данных возможен направленный выбор материала и его анализ. Более того, анализ адекватно отобранных текстов может внести поправки в данные грамматики исходного языка [14, с. 176].

Следует отметить, что сопоставительные исследования значительно расширяют границы лингвистических исследований, выводя их за рамки близкородственных языков, что дает возможность привлечь широкий круг разноструктурных языков. По словам М. И. Конюшкевич, привлечение к сопоставлению каждого нового языка расширяет наше знание о выразительных возможностях языка вообще [15, с. 6]. Примером такого рода исследований может служить сопоставительное изучение славянских (белорусского) и германских (английского) языков.

Даже беглый взгляд на фрагменты грамматик английского языка свидетельствует о наличии по меньшей мере двух грамматических кате-

горий, представленных формами континууса и перфекта, которые представляют собой идиоэтнический компонент грамматического строя английского языка (в сравнении с белорусским языком). На основе анализа нормативных грамматик, а также контекстов употребления в речи были выявлены и систематизированы следующие не только количественные различия в грамматических формах, но и семантические различия в значениях данных форм английского языка.

Так, форма *континууса*, входящая в состав грамматической категории вида, или аспекта английского языка, представляет собой аналитическую структуру типа *to be + Verb-ing*, в которой первый элемент формальный (т.е. имеет лишь грамматическое значение), а второй несет основную смысловую нагрузку. По способу образования и выражения грамматического значения данная конструкция представляет собой явление *морфологического аналитизма*.

Существуют различные интерпретации и трактовки значения континууса в английском языке в силу специфики данной категории и разнообразия выражаемых ею значений. Обобщая существующие суждения по поводу «прототипического ядерного значения»¹ форм континууса в английском языке, мы заключаем, что таковым является значение *длительности*.

На основе анализа различных теорий, а также данных теоретических и коммуникативных грамматик представляется возможным выделить основные характеристики данного прототипического значения континууса [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35, р. 243; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42]. Значение длительности может быть пояснено или подвергнуто дальнейшей конкретизации как:

- процессуальность, длящийся процесс, продолженная непрерывность;
- конкретность протекания действия;
- временная конкретность, приуроченность к определенному моменту/периоду времени;
- одновременность с отмеченным моментом, а это значит
- внимание на середине действия, срединной фазе, что подразумевает
- незаконченность и
- ограниченную длительность, временный характер действия.

Данные дополнительные оттенки значений представляют собой результат взаимодействия грамматической формы с лексико-грамматическими разрядами и лексическими особенностями глаголов. Так, грамматическая оппозиция *длительность/недлительность* тесно связана с лексико-грамматической оппозицией *предельность/непредельность*. Кроме того, возможность или невозможность глаголов употребляться в форме континууса во многом предопределяется лексическим содержанием глагола. Это содержание может трактоваться по-разному. Так, широко распространено семантическое деление глаголов (классификация) на *действия* (события), *процессы* и *состояния* [43; 44; 45; 34]. Достаточно часто используется концепция З. Вендлера,

¹Термин А. Вежбицкой [16, с. 45].

который выделяет четыре лексических класса глаголов: 1) *деятельность* (глаголы типа *run, walk, live, study*), 2) *выполнение* (*run a mile, paint a picture, grow up*), 3) *достижение* (глаголы имеют *точечный* характер: *win the race, reach the top*), 4) *состояние* [46; см. также: 47, с. 44–46; 32, р. 119–120]. Деятельность и выполнение являются длительными и обозначают процессы. Выполнение и достижение характеризуются наличием предела, но достижение не обладает длительностью во времени, оно точечно по своей природе. Состояние противопоставлено всем группам.

Кроме того, описание значений, выражаемых континуумом в английском языке, а также объяснение ограничений по его употреблению можно осуществить в рамках традиционного разграничения *стативных* и *динамических* (акциональных) глаголов, которые в свою очередь подразделяются на *дуративные* (длительные во времени, они включают глаголы, обозначающие деятельность и процесс) и *точечные* (однократные, мгновенные). И та, и другая подгруппа охватывает как предельные, так и непредельные глаголы [см. детальную классификацию в: 37, р. 365–368; 47, р. 201].

Все описанные выше классификации единодушны в выделении глаголов состояния и противопоставлении их другим глагольным группам. Впрочем, группировки нестативных глаголов во многом пересекаются (хотя здесь и нет полного совпадения).

В качестве обобщения типов классификаций глаголов напомним, что типичные значения континуума характерны прежде всего для длительных форм непредельных динамических глаголов. Известно, что глаголы состояния, как правило, не сочетаются с формами прогрессива, а среди динамических глаголов такая способность присуща непредельным глаголам. Однако также общеизвестно, что подобное соотношение континуума, предельности и семантики глагола не является абсолютным и незыблемым, как не является незыблемым статус предельности/непредельности для того или иного глагола. Так, стативный глагол можно превратить в динамичный, «добавив ему значение действительного или возможного изменения», а убрав это значение, мы совершаем противоположный переход – из динамического в стативный глагол, тем самым лишая его возможности принимать форму континуума [33, р. 215–216]. При употреблении в данной форме предельных глаголов «возникает значение отсроченного предела» [20, с. 58], а акцент делается на длительности, протяженности фазы процесса, предшествующей пределу [37, р. 370].

Иными словами, прототипическое значение длительности в совокупности с дополнительными оттенками есть результат взаимодействия грамматической формы континуума с лексико-грамматической категорией предельности/непредельности и собственно лексическими разновидностями глаголов.

Перфект, выражающийся морфолого-аналитической конструкцией типа *have + Verb-ed*, входит в состав грамматической категории временной отнесенности, определяющей специфику грамматического строя английского языка (наряду с формами континуума).

Как мы уже отмечали ранее, единого мнения относительно сущности перфекта в лингвистической литературе нет. Хотя разные авторы различно интерпретируют основное значение перфектных форм английского языка, тем не менее представляется возможным выделить некоторое общее основание в таких интерпретациях. Большинство грамматистов характеризуют перфектные формы как формы, обозначающие *предшествование* действия отмеченному моменту [17; 18; 19; 20; 22; 48; 49; 24; 25; 50; 26; 51; 52; 53; 54; 29; 55; 2; 31; 32; 34; 56; 57; 36; 37; 40; 41; 42]. Однако предшествование есть лишь «минимальный общий знаменатель для всех типов перфекта» [53, с. 458]. В речевых реализациях данное основное значение «обрастает» различными «естественными коннотациями» в результате взаимодействия грамматической формы с лексическими особенностями глагола и контекстными показателями [25, с. 80]. Такими семантическими оттенками перфекта являются:

- целостность действия (даже будучи многократным, действие целиком располагается на линии времени до отмеченного момента и не рассекается им на части);
- завершенность;
- соотнесенность с отмеченным моментом/периодом во времени (протекание в течение периода, предшествование моменту – *exclusive perfect*);
- преемственность и релевантность действия, т.е. сообщаемое репрезентируется не только в предшествующем периоде, но и как связанное с чем-то последующим и существенное для него;
- результативность, т.е. актуальность последствий предшествующего действия для более позднего временного плана (*perfect of result*);
- прошлый опыт, обобщенность факта, т.е. имевшее место действие вообще, при этом предшествующее время неопределенное (*experiential perfect*);
- свежая новость, недавнее прошлое, т.е. действие только что закончившееся (*perfect of recent past*);
- ситуация, начавшаяся в прошлом и продолжающаяся сейчас, возможно будет продолжаться и дальше (*inclusive perfect* или *perfect of persistent situation*).

Еще раз отметим, что вышеперечисленные варианты значений перфекта являются производными от прототипического значения предшествования и, кроме того, проявляются в определенных контекстах при взаимодействии с семантическим потенциалом глагола (прежде всего предельностью/непредельностью).

Отметим в качестве обобщения, что значения *длительности* и *предшествования* действия в сопоставляемых языках получают неодинаковое, т.е. идиотичное выражение на грамматическом уровне языка, точнее данные значения в белорусском языке не передаются собственно грамматическими средствами.

При более пристальном взгляде на временные формы белорусского языка выявляются довольно противоречивые тенденции (за их кажущейся внешней простотой), указывающие на наличие неоднородных элементов

среди этих форм. Так, спорным является вопрос о самостоятельности так называемого *сложного прошедшего* времени (другие термины: *давнопрошедшее*, *предпрошедшее*, *плюсквамперфект*) ввиду его сравнительно небольшой степени употребляемости, ограниченной в основном средой разговорной речи и жанром художественной литературы. На этом основании эта форма часто включается в состав прошедшего времени как одна из разновидностей форм данного времени – сложная форма прошедшего времени со значением *давнопрошедшего* времени, которая показывает, что действие произошло ранее другого прошедшего действия [58, с. 217; 59, с. 371; 60, с. 176; 61, с. 609]. Однако, если провести параллель с английским языком и признать за этой формой существование независимого значения – *плюсквамперфектного*, то оказывается вполне правомерным выделение этой формы как четвертого типа временных конструкций¹ в белорусском языке.

При анализе конструкций данного типа четко вырисовывается еще одна аналогия с английским языком. Сложные формы прошедшего времени в белорусском языке характеризуются *релятивным*, т.е. *относительным* значением. Они обозначают прошлое завершенное действие, которое соотносится не с планом настоящего, а с другим прошлым действием или с определенным периодом времени в прошлом. Хотя лингвисты называют эти глагольные формы сложными формами прошедшего времени, тем не менее они подчеркивают, что такие формы являются живой грамматической категорией белорусских говоров, разговорной речи, а также художественной литературы [63, с. 131; 64, с. 230].

Традиционно грамматики описывают два типа форм будущего времени – *будущее простое* и *будущее сложное*. Однако следует указать также на факт выделения так называемого *будущего сложного II* (*будзе прапала*, *будзем як пад лёд праваліліся*), «остатки» которого можно обнаружить в некоторых белорусских говорах [63, с. 132]. Упоминание об этих формах находим и в грамматике Б. А. Тарашкевича, который называет их *предбудущим временем* (*прадбудучы час*) [65, с. 97].

Таким образом, идиозмичные грамматические формы континууса и перфекта в английском языке и формы *плюсквамперфекта* и *предбудущего* времени в белорусском языке свидетельствуют о том, что складывается сложная и неоднозначная корреляция семантики форм английского и белорусского языков.

Постулирование и описание идиозмичности языковых систем и подсистем неизбежно влечет за собой вопрос о механизмах, компенсирующих формальную лакунарность белорусского языка (в сравнении с английским языком) при передаче данных значений, а также механизма, регулирующего соотношение формально-грамматических и иных средств выражения указан-

¹Мы вслед за В. С. Храковским определяем термин *конструкция* как «последовательность заданных классов слов, связанных функциональными отношениями» [62, с. 210].

ных значений в английском языке. Кроме того, в результате изучения этих «иных» языковых средств может выявиться функционирование скрытых категорий, а также могут установиться вторичные (скрытограмматические, т.е. семантико-синтаксические) функции у ряда лексем в двух сопоставляемых языках. В целом ответы на поставленные выше вопросы приведут к уточнению и конкретизации ряда центральных вопросов общей темпоральности и общей аспектологии, а именно: понятия времени и вида в языках мира; того, какой фрагмент объективной действительности они концептуализуют и каков уровень грамматикализации средств выражения данных категорий в каждом конкретном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринберг, Д.* Меморандум о языковых универсалиях / Д. Гринберг, Ч. Осгуд, Д. Дженкинс // Зарубежная лингвистика. II: пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1999. – С. 118–151.
2. *Ярцева, В. Н.* Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 109 с.
3. *Скаличка, В.* Типология и сопоставительная лингвистика / В. Скаличка // Новое в лингвистике / под общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 27–31.
4. *Мещанинов, И. И.* Типологические сопоставления и типология систем (в связи с докладами, заслушанными на VIII Междунар. конгрессе лингвистов) / И. И. Мещанинов // Науч. докл. высш. школы. Филологические науки. – 1958. – № 3. – С. 3–13.
5. *Гак, В. Г.* О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в лингвистике / под общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 5–26.
6. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
7. *Бондарко, А. В.* Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике / А. В. Бондарко // Универсалии и типологические исследования (Мещаниновские чтения): сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева – М.: Наука, 1974. – 144 с.
8. *Кибрик, А. Е.* Когнитивно ориентированная типология / А. Е. Кибрик // Вестн. Российск. гуманитар. науч. фонда. – 1998. – № 3. – С. 156–160.
9. *Кубрякова, Е. С.* В поисках параметров сопоставления языков / Е. С. Кубрякова // Сопоставительная лингвистика: теоретические и прикладные проблемы: тезисы докладов на совещ. / Ин-т языкознания АН СССР. Ужгородск. гос. ун-т; отв. ред. Т. М. Шахнарович, Ф. А. Циткина. – Москва-Ужгород, 1991. – С. 16–17.
10. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. III. – С. 36–59.

11. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / под. ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – Гл. 10. – С. 340–369.
12. Bybee, J. L. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world / J. L. Bybee, R. Perkins, W. Padliuca. – Chicago: University of Chicago press, 1994. – 398 p.
13. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: London: The University of Chicago Press, s.a. 1988. – 614 p. – [Ксерокопия].
14. Штернеманн, Р. Введение в контрастивную лингвистику / Р. Штернеманн // Новое в лингвистике / под общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 144–178.
15. Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия / науч. ред. П. П. Шуба. – Мн.: Университетское, 1989. – 157 с.
16. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XII. – 780 с.
17. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. (на англ. языке) / М. Я. Блох. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2000. – 381 с.
18. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учеб. пособие для студентов педагогических институтов и университетов (на англ. языке) // Сер. «Изучаем иностранные языки» / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – СПб.: Союз, Лениздат, 2000. – 496 с.
19. Гуревич, В. В. Видовая семантика в русском и английском языках / В. В. Гуревич // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 145–150.
20. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высш. шк., 1981. – 285 с.
21. Кириленко, Е. И. Сопоставление видовых форм русского и английского языков / Е. И. Кириленко // Методы сопоставительного изучения языков / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1988. – С. 76–82.
22. Кошечая, М. И. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / М. И. Кошечая, Ю. А. Дубовский. – Минск: Выш. шк., 1980. – 272 с.
23. Мурясов, Р. З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 86–112.
24. Нехай, О. А. Сравнительная типология английского и белорусского языков / О. А. Нехай, Т. В. Поплавская. – Минск: Выш. шк., 1983. – 173 с.
25. Плоткин, В. Я. Грамматические системы в английском языке / В. Я. Плоткин. – Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1975. – 127 с.

26. *Резник, Р. В.* Практическая грамматика английского языка: учеб. (на англ. языке) / Р. В. Резник, Т. С. Сорокина, Т. А. Казарицкая. – 5-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2000. – 688 с.
27. *Сенюк, И. С.* К вопросу выражения категории аспектуальности в английском языке / И. С. Сенюк // Иностранный язык для специалистов. Психологические, методические, лингвистические аспекты: сб. ст. / отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1990. – С. 178–187.
28. *Телин, Н. Б.* Познание, перспектива и метафора времени / Н. Б. Телин // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 430–443.
29. *Хлебникова, И. Б.* Основы английской морфологии: учеб. пособие (на англ. языке). – 2-е изд., стереотип. – М. : ЧеРо, 2001. – 128 с.
30. *Широкова, А. В.* Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология) / А. В. Широкова. – М. : Добросвет, 2000. – 200 с.
31. *Carter, R.* Cambridge Grammar of English / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge University Press, 2007. – 973.
32. *Celce-Murcia, M.* The grammar book. An ESL/EFL Teacher's Course / M. Celce-Murcia, D. Lareen-Freeman. – Heinle and Heinle Publishers, 1999. – 855 p.
33. *Chung, S.* Tense, aspect, mood / S. Chung, A. Timberlake // Language Typology and Syntactic Description. – Vol. 3. Grammatical Categories and the Lexicon / ed. by T. Chopen. – Cambridge University Press, 1985. – Ch. 4. – P. 202–258.
34. *Comrie, B.* Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems / B. Comrie. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1976. – 142 p.
35. *Dahl, O.* Aspect / O. Dahl // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Editor-in-chief R. E. Asher. – Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press, 1994. – V. 1. – P. 240–247.
36. *Diver, W.* The Chronological System of the English Verb / W. Diver, // Linguistic Circle of New York. – P. 141–179. – s.a.e.l. – [Фотокопия, отд. оттиск из кн.].
37. *Downing, A.* A University Course in English Grammar / A. Downing, Ph. Locke. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Macmillan, 1995. – 652 p.
38. *Halliday M. A. K.* An Introduction to Functional Grammar. – Edward Arnold, 1987. – 387 p.
39. *Leech, G.* A communicative grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – 2nd ed. – Longman Publishing, New York, 1996. – 423 p.
40. Longman Grammar of Spoken and Written English / Douglas Biber... [et al]; foreworded by R. Quirk. – Pearson Education Ltd., 2000. – 1204 p.
41. *Quirk, R.* A comprehensive grammar of the English language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – Longman Inc., New York, 1992. – 1779 p.
42. *Twaddell, W. F.* The English Verb Auxiliaries / W. F. Twaddell. – 2nd ed. rev. – Providence, Brown University Press, 1963. – 26 p.

43. Зализняк, А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
44. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / под ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
45. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
46. Vendler, Z. Verbs and Times / Z. Vendler // Der Englische Aspekt / ed. by A. Schopf. – Darmstadt, 1974. – P. 217–234.
47. Комарова, О. А. О функционально-семантической категории аспектуальности в английском языке / О. А. Комарова // Спорные вопросы английской грамматики / Б. Е. Зернов, А. И. Варшавская, Л. П. Чахоян и др.; отв. ред. В. В. Бурлакова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – Гл. 1. Морфология. § 4. – С. 40–53.
48. Маслов, Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании / Ю. С. Маслов // Вопросы глагольного вида. – Л. : Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 7–32.
49. Миллер, Дж. Э. Типология и варианты языка: английский перфект / Дж. Э. Миллер // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 304–315.
50. Плоткин, В. Я. Строй английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Я. Плоткин – М. : Высш. шк., 1989. – 239 с.
51. Сильницкий, Г. Г. Соотношение категорий вида и перфекта/имперфекта в русском и английском языках / Г. Г. Сильницкий // Типология грамматических категорий: тезисы докладов Всесоюзной науч. конф. / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. – Ленинград, 1991. – С. 44–46.
52. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
53. Тирофф, Р. Вид и его взаимосвязь с временем / Р. Тирофф // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 454–465.
54. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): учеб. пособие. – М. : Высш. шк., 1979. – 219 с.
55. Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учеб. пособие / отв. ред. Л. И. Кравцова. – М. : МГИМО, ЧеРо, 1996. – 254 с.
56. Comrie, B. Tense / B. Comrie. – Cambridge University Press, 1993. – 139 p.
57. Dahl, O. Tense and Aspect Systems / O. Dahl. – Oxford; New York, NY : B. Blackwell, 1985. – 213 p.
58. Беларуская мова: вучэб. дапам. / Э. Д. Блінава, Н. В. Гаўрош, М. Ц. Кавалёва і інш.; пад рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выш. шк., 1991. – 351 с.

59. Граматыка беларускай мовы: У 2 т. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. К. К. Атраховіч, М. Г. Булахаў. – Мінск : Выд. АН БССР, 1962. – Том I. Марфалогія. – 540 с.
60. Сучасная беларуская літаратурная мова: Марфалогія: вучэб. дапам. / Н. В. Гаўрош, М. Ц. Кавалёва, Н. М. Нямковіч і інш.; пад агульн. рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выд. Ул. М. Скакун, 1997. – 288 с.
61. *Шуба, П. П.* Час дзеяслова / П. П. Шуба // Беларуская мова: энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 609–610.
62. *Храковский, В. С.* Аналитическая конструкция, аналитическая словоформа, аналитическое слово / В. С. Храковский // Аналитические конструкции в языках различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М.-Л. : Наука, 1965. – С. 209–221.
63. *Абабурка, М. В.* Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў: вучэб. дапам. для ВНУ / М. В. Абабурка. – Мінск : Выш. шк., 1992. – 224 с.
64. *Мацкевіч, Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове / пад рэд. Р. І. Аванесава. – Мінск : Выд. АН БССР, 1959. – 294 с.
65. *Тарашкевіч, Б. А.* Беларуская граматыка для школ / Б. А. Тарашкевіч. – Мінск : Нар. асвета, 1991. – 132 с.

In the article, verb-forms contributing to the specificity of the grammatical systems in English and Belarusian are identified on the basis of the contrastive approach, and further analysed. These are Continuous Tense forms and Perfect Tense forms in English, and Plusquamperfect forms and forms of Complex Future II in Belarusian. In the course of the analysis of the grammar data of the two languages, the semantic characteristics of these forms are summarized – both prototypical meanings and meanings derived from them, which indicate a complex and ambiguous correlation of the semantics of the verb-forms in English and Belarusian.

Поступила в редакцию 16.07.2019

А. А. Биюмена

СОДЕРЖАНИЕ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

В статье исследуется явление речевой агрессии в белорусских газетах в прессе 30-х, 40-х, 90-х гг. XX века. Установлено, что в сложные для общества исторические периоды (война, политический и экономический кризис и т.д.) агональность медийного текста резко возрастает, при этом объект речевой агрессии зависит от конкретного социально-исторического контекста. Описаны агрессивные речевые тактики и средства выражения агрессии в указанные периоды (использование специфических номинаций, синтаксических конструкций, прецедентных текстов и др.).

Информационная картина мира, конструируемая средствами массовой информации, отличается неизбежной субъективностью [1; 2], которая обусловлена условиями жизни общества в конкретную историческую эпоху и существующими идеологическими и культурными установками. Среди